

1. Шарифуллин, Б.Я. **Формы речевой субкультуры в городском ойколлекте (на материале речи г. Лесосибирска) / Б.Я. Шарифуллин // Русский язык в Красноярском крае. – Вып. 1. – Красноярск: КГПУ, 2002.**
2. Шарифуллин, Б.Я. **Русская татуировка: герменевтика и прагматика синкретического жанра естественной письменной речи / Б.Я. Шарифуллин // Естественная письменная русская речь: исследовательский и образовательный аспекты. – Ч. 1: Проблемы письменной речи и развития языкового чутья: материалы конф. / под ред. Н.Д. Голева. – Барнаул, 2002.**
3. Шарифуллин, Б.Я. Герменевтика и прагматика современной русской эпиграфики / Б.Я. Шарифуллин // Речевое общение: Специализированный вестник. – Красноярск: КГУ, 2002. – Вып. 4(12). – С. 94-103.
4. Береговская, Э.М. Надписи на значках как вид текста / Э.М. Береговская // Филологические науки. – №6. – 2000.
5. Фрейд, З. Психология бессознательного / З. Фрейд. – М., 1990.
6. Бахтин, М.М. Реальность письменного фольклора / М.М. Бахтин // Экспедиционные открытия последних лет. – СПб., 1996.
7. Шарифуллин, Б.Я. Граффити как дискурс в пространстве русской письменной речи // Б.Я. Шарифуллин // Материалы конференции “Дни Науки”, посвященной 25-летию филологического факультета КГУ. – Красноярск, 2007.
8. Шарифуллин, Б.Я. “Превед, красавчег!”, или “албанский вариант” околомкомпьютерного общения / Б.Я. Шарифуллин // Социальные варианты языка-V. Язык в современных общественных структурах: материалы междунар. науч. конф. – Н.Новгород, 2007.
9. Пузырев, А.В. Языковая личность, текст и дискурс: методологические аспекты / А.В. Пузырев // Языковая личность – текст – дискурс: теоретические и прикладные аспекты исследования: материалы междунар. науч. конф. – Ч. 1. – Самара, 2006.

И.В. Соловьева

АПРИОРНЫЕ ГРАНИЦЫ ПОНИМАНИЯ ДИСКУРСА: ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ И АТЕМПОРАЛЬНОСТЬ

Тверской государственный университет

Структура герменевтического подхода к дискурсу во многом определяется дихотомией темпоральность/атемпоральность как совокупностью процессов и процедур понимания становящегося (во времени) речевого произведения. Наша концепция герменевтики дискурса в наиболее общем виде основывается на следующем тезисе: синтез языка и культуры в его преломлении индивидуальностью представлен в опыте личности в следующих формах: 1) в структурах коммуникативной системы, то есть соб-

ственно языка, 2) в структурах опыта – концептах, гештальтах, архетипических, символических и мифологических структурах сознания, “возможных миров”, и 3) в структурах деятельности, основу которых составляют понимание и рефлексия.

Таким образом, дискурсивно-герменевтический акт охватывает структуры духовности личности двух основных типов: 1) “ставшие” до момента производства дискурса, составляющие вертикальный контекст дискурсивности и, следовательно, когнитивную основу его герменевтической интерпретации; и 2) структуры, “становящиеся” в процессе продукции/рецепции дискурса – его понимания и интерпретации.

Понимание определяют по-разному в зависимости от задач, которые обслуживает само определение понимания. Это и механизм “достраивания” фрагментов до целостного вида и “присмысливания” отсутствующих фактов, схватывания целостности. Понимание определяют как внутренне реализованную “удачную” интерпретацию в результате взаимодействия различных видов интерпретации, это также оценка результата интерпретации или ее хода, воплощенная по-разному в зависимости от личных характеристик интерпретатора [3: 123]. С функциональной точки зрения понимание есть функция мышления, которая, в силу генетической принадлежности, имеет субстанциальную природу [4: 72]. Субстанциальность есть способность человека понимать, степень развертывания гегелевской “абсолютной идеи”, на которой реализуется единство особенных объектов, присутствующих пониманию как “освоению разумом того, что присутствует или дается неявно” [1: 3].

Существование универсума – принципиальный момент в герменевтическом подходе к пониманию дискурса, так как «понимая дискурс, интерпретатор komponует элементарные пропозиции в общее значение, помещая новую информацию, содержащуюся в очередном интерпретируемом предложении, в рамки уже полученной промежуточной, или предварительной, интерпретации, т.е. устанавливает различные связи внутри текста – анафорические, семантические, референциальные (отнесение имен или описаний к объектам реального или ментального мира) отношения, функциональную перспективу (тему высказывания), “погружает” новую информацию в тему дискурса. По ходу такой интерпретации воссоздается – “реконструируется мысленный мир, в котором, по презумпции интерпретатора, автор конструировал дискурс...” [3: 117]. Границы универсума, составляющего основу целостного восприятия в процессе понимания дискурса (феномены сознания: миф, гештальт, пресуппозиция, образ, символ, схема), представляют собой формальные и содержательные реальности, являющиеся неотъемлемыми атрибутами духовной сферы личности, языка и культуры. “Безусловно, можно бесконечно спорить по поводу значения, которое можно придавать этим художественным и религиозным реальностям. Но одна вещь кажется нам очевидной: для произведений искусства, так же как и

для "религиозных данностей" характерен свой способ бытия: они существуют в своем собственном плане внутренних соотношений, в своем особом универсуме. Тот факт, что этот универсум – не физический универсум непосредственного опыта, отнюдь не делает его ирреальным" [5: 25-26].

Таким образом, основой герменевтического метода в его обращении на дискурс является процесс увязывания компонентов вертикального и горизонтального контекстов – соответственно, "ставших", или, как мы их называем, *атемпоральных* структур духовной сферы личности и "становящихся", т.е. структур содержания и смысла, в пределах дискурса как линейного процесса, развивающегося во времени.

Дихотомия темпоральность – атемпоральность дает нам возможность привлекать в пределах нашего рассуждения доводы, приводимые когнитивной лингвистикой, в пользу герменевтики. В терминах темпоральности – атемпоральности можно обсуждать группы философско-лингвистических категорий и понятий, приобретших разную интерпретацию: смысл и значение, собственно текст и дискурс, восприятие и понимание, синхронность и прецедентность, проблемы онтологического и эпистемологического статуса явлений, внешней и внутренней формы и т.д. Важность атемпоральных феноменов в процессе понимания подтверждается также тем, что признание их в качестве априорных границ пространства понимания, в каких бы терминах мы ни обсуждали эту проблематику, может послужить объективным кумулятивным основанием значительной части лингвистической методологии.

Дискурс, как и любое другое речевое произведение, может содержать смыслы, данные явно и неявно. Поскольку в речи не все дано явно, и, следовательно, дискурсивность не сводится к буквальности, мы имеем возможность обсуждать вопросы распредемечающего понимания в отношении дискурса. Более подробное рассмотрение вопроса типологии и субстанциальности понимания мы найдем в работе [1].

Субстанциальность и процессуальность объединяет общее основание – событийность.

Здесь-и-сейчас-событие представляет собой этап в развертывании понимания дискурса и, в свою очередь, обладает собственной диалектикой. По-прежнему верно утверждение К. Бюлера о том, что "пока что точных наблюдений недостаточно для выяснения существенных подробностей, касающихся темпорального компонента, который содержится здесь и вытекает из непосредственно переживаемого сейчас. То, что язык обычно использует непосредственно переживаемое "сейчас" как исходный пункт при определении времени, достаточно просто увидеть на примере системы индоевропейского спряжения. Изолированное слово *сейчас* (как и *здесь*) при произнесении указывает на свою позиционную значимость (*Stellenwert*). Так же как и *здесь*, его не следует понимать как не имеющую протяженности (математическую) точку, как границу в собственном смысле слова.

Оно может в зависимости от подразумеваемого *уже не сейчас* принимать меньшую или даже сколь угодно большую протяженность. Так же как христианин говорит здесь и включает сюда все поостороннее (поверхность Земли или еще больше), тот, кто мыслит в геологических измерениях времени, может включить в *сейчас* весь период после последнего ледникового периода. И подобно воображаемому *здесь* воображаемое *сейчас* может быть перемещено в любое место...” [2: 120]. Речь здесь идет прежде всего о “я” как естественной исходной точке координат мировоззрения и в буквальном смысле о том, как она приобретает языковую форму [там же: 121]. Здесь К. Бюлер обсуждает чрезвычайно интересные методологические основания, релевантные, на наш взгляд, для дальнейшего формирования лингвистического аспекта теории и герменевтики дискурса. В частности, он предполагает существование реализуемой в речи системы средств “перспективного регулирования мысли”. Все поступающие реципиенту чувственно воспринимаемые данные, которые укладываются в некоторую последовательность – в координатную систему, исходным пунктом (*Origo* как указательное поле человеческого языка, “здесь-сейчас-я” = система ориентации субъекта – см. *op.cit.*, 94) которой является то, что обозначается словами “здесь”, “сейчас”, “я”. Заметим, что в терминах современной лингвистики это утверждение описывает концептосферу-основу речевого события, которая наиболее естественным образом может быть экстраполирована на дискурс. Также то, что обозначается словами “здесь”, “сейчас”, “я” можно отнести к разряду базовых пресуппозиций в качестве основных понятий герменевтики дискурса, поскольку это ориентиры, с помощью которых могут быть определены границы действия данной теории. Эта точка зрения представляет собой, безусловно, расширенное понимание пресуппозиций как знаний о мире, образующих своего рода фон для речи: о них можно говорить как о микро- и макропресуппозициях, т.е. том, что известно из ситуации “здесь/сейчас”, и о том, что составляет знание о мире.

Следовательно, темпоральность и атемпоральность как характеристики могут послужить обеспечению иллюстративности рассуждений о диалектике развития дискурса и его понимания. Дихотомия “становящееся во времени” (темпоральность) – дискурс и понимание, и “ставшее до начала продукции/рецепции дискурса” – личность реципиента как совокупность идеальных структур, “ставших” до производства дискурса и обеспечивающих основания его понимания – задает пространственно-временную систему координат, с помощью которой может быть описано дискурсивно-герменевтическое пространство.

Библиографический список

1. Богин, Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста / Г.И. Богин. – Тверь: Тверской государственный университет, 1993. – 137 с.

2. Бюлер, К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / К. Бюлер. – М.: изд. группа “Прогресс” “Универс”, 1993. – 503 с.

3. Демьянков, В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ / В.З. Демьянков // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие / отв. ред. М.Н. Володина. – М.: изд-во Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 2003. – С. 116-133.

4. Корниенко, Н.Г. Десять тезисов о понимании / Н.Г. Корниенко // Понимание и рефлексия: материалы Первой и Второй Тверских герменевтических конференций. – Тверь, ТвГУ, 1992. – Ч. 1. – С. 72-73.

5. Элиаде, М. Ностальгия по истокам / М. Элиаде. – М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. – 216 с.

Н.К. Данилова

ОПЕРАЦИОНАЛЬНЫЕ СВОЙСТВА ЯЗЫКОВОЙ СЕМАНТИКИ

Самарский государственный университет

Современная наука о языке характеризуется радикальным изменением существующих представлений о том, что такое семантика языковых единиц. Традиционное аристотелевское представление о семантике как о субстанции, качестве языковых форм, уступает представлению о ней как о функции означающей деятельности говорящего субъекта, что придает ей, с одной стороны, свойство релятивности, с другой, свидетельствует о динамичности и операциональности языкового значения. Последнее свойство означает производность семантики от социально ориентированной деятельности участников общения [1: 17]. Способность языкового значения меняться в зависимости от социального контекста объясняется символической природой языковых единиц, наиболее последовательно и полно проявляющейся в так называемых функциональных единицах, местоимениях, о которых пойдет речь в последующем изложении.

Изменение представлений об языковой семантике и о том, как она служит целям общения, связано с успехами когнитивной грамматики, рассматривающей язык как инвентарь символических средств, использование которых предполагает способность к алгоритмизации и решению коммуникативных задач [2: 7]. В отличие от объективистских теорий значения, определяющих значение выражения в зависимости от набора условий, в которых оно истинно, когнитивная грамматика приравнивает значение к “концептуализации” (ментальному опыту). Лингвистическое выражение и грамматические конструкции, согласно этому пониманию, конструируют воображаемую ситуацию, не только внутренние свойства объек-